

ПРОЛОГ

Вот уже два века дома делились на мертвые, спящие и живые. И все они были опасны. Мертвые грозили рухнуть и похоронить Аделину под обломками, спящие могли проснуться и стать живыми, а живые не раз пытались ее убить.

Страница давно находила нужные дома с первого взгляда. Еще издали она угадывала мертвые, где не было ни одной духовной искры. Ни в кирпичках, которые крошились, как сухари на терке, ни в дырявом полу, ни в кровле, что лежала на стропилах, точно сбитая птица, медленно теряя перья, — обломки глиняных или цементных пластинок.

В развалинах никто не жил, не считая пауков и гадов, мышей да голубиных стай. Мертвые дома были пусты, когда принц Аскар запустил Ветродуя и запечатал всех людей в их жилищах. Без хозяев

они рушились и плохо спасали от непогоды, но все же Аделина много раз предпочитала делить кров с дождем и снегом, потому что мертвые дома казались ей самыми безопасными.

Вторые на очереди – колыбели сновидцев – были тихими, пыльными и темными. Их окна изнутри закрывали шторы, а снаружи – занавеси плюща. Такие дома походили на склепы, окруженные баррикадами глухих садов, стенами крапивы и путами дикого винограда. Хозяева спящих находились внутри, но проводили заточение во сне, надеясь проснуться уже людьми. Энергия их душ питала стены и колонны, словно кровь – человеческое тело, поэтому такие дома погибали медленней. Страница редко в них ночевала, а если и ночевала, то старалась ничего не трогать и ложилась спать прямо на голый пол, избегая даже ковров. Здесь не стоило тревожить вещи, потому что любая могла быть сосудом души. Прикоснись к ней – и разбудишь хозяина. Однажды в молодости Аделина забрела в такой дом и решила затопить камин, чтобы согреться. Кто же знал, что там сидит вздорная старуха, которой вечно холодно! Она проснулась, полная негодования, вселилась в пламя и обожгла протянутые к нему руки Страницы. Шрамы остались до сих пор.

ГЛАВА 1

Безветрие

С Букашкой что-то случилось.

Еще вчера это был ярко-желтый фургон, обитый металлом и отделанный внутри красным деревом. Он крепился к полумобилю, на котором, как усы на голове жука, торчали две антенны, и всем своим видом напоминал ильмового листоеда.

Семейное прозвище дом на колесах получил от брата Рины, когда тот был еще совсем маленьким. Папа тогда покрасил фургон в алый цвет, и он стал точь-в-точь божья коровка, только без черных крапин. Увидев это, Альберт радостно заявил: «Букашка!», и с тех пор Букашка оставалась Букашкой, даже если ее бока отражали звездное небо. А перекрашивали их частенько. Свежие слои эмали ложились на не до конца зашлифованные старые,

создавая поверхность с зернистыми бугорками — шагрень, к тому же фамилия семьи была Шегри, поэтому Букашку называли еще Шагрневым домом.

Папа купил его незадолго до свадьбы, чтобы исполнить свою мечту — стать кочевым художником. С тех пор он постоянно путешествовал, рисуя крупные города и крохотные фермы, оживленные пристани и мертвые деревушки. Все королевство Хайзе от края до края раскинулось на его холстах.

Папа любил работать быстро и воздушно, поэтому чаще всего писал полотна акварелью и был невероятно плодовит. Раз в два или три месяца мама устраивала выставку, где все его этюды скупали в тот же вечер. Иметь в своем доме пейзаж Алана Шегри считалось признаком хорошего вкуса.

Ближе к зиме папа брал отпуск, и семья заселялась в лучший отель крупного города. Чтобы не скучать, родители постоянно выходили в свет, а детей вполне устраивало объедаться сладостями, которые присылала родня, и читать книги возле камина или играть с ребятами во дворе. Если быть точнее, книгами увлекалась тихая нелюдимая Рина, а в это время под окнами кидался снежками до обледенелых рукавиц и хохотал так, что уши закладывало, Альберт, который легко заводил дружбу даже с теми, с кем познакомился в драке. Они были очень раз-

ные, но оба терпеть не могли званые ужины, театры и музеи. Там родителей вечно окружала толпа поклонников, и все считали своим долгом пощebetать над «юными ангелочками Шегри». На Рину и Альберта это нагоняло смертную тоску. Как и те зимние дни перед праздниками, когда мама приглашала учителей, чтобы узнать, справляются ли дети с планом домашнего обучения. Хорошо хоть потом их никто не трогал весь год.

В апреле, едва подсыхали дороги, папу переполняло вдохновение. Он забирал Букашку из мастерской, и они с Альбертом шлифовали и красили ее, а мама с Риной наводили внутри уют. Когда все было готово, мама зажигала свечи с запахом бергамота и говорила загробным голосом:

— Готовы ли вы совершить обряд?

Это, конечно же, было поздно вечером, в темноте. Все, хихикая, садились за стол и соединяли указательные пальцы левой руки, а папа связывал их бечевкой. При этом вид у него был такой притворно суровый, что Альберт начинал похрюкивать.

— Да окружит нас священная тьма неизвестности! — завывала мама.

В блестящем бархатном платье и с высокой прической она была прямо как ведьма из театральных постановок. В актерские годы ей попадалось мно-

го таких ролей, так что играла она великолепно. Но настоящая мама была совсем другой. И от этого контраста становилось еще смешнее.

По ее команде все закрывали глаза и водили туда-сюда связанными пальцами, повторяя хором: «Крутись-крутись! Судьба – свершись!» – а потом тыкали наугад в разложенную на столе карту.

– Озеро Фалькост! – радостно объявлял папа. – Тут мы еще ни разу не были. Завтра же отправляемся!

И Фургон-хамелеон вез их к новой цели, оставляя позади сотни и сотни дорог. Он был уже стареньким и часто ломался, но никогда еще Рина не видела его в таком плачевном состоянии. Бедная Букашка напоминала свалку. От полумобиля остались только три сдутых колеса, битые стекла и остов кабины, оплетенный вьюнками. Прицеп вообще был сплошной грудой мусора. Под тонкими от ржавчины эмалированными листами виднелась труха и ветошь, осколки зеркал и посуды, сломанные приборы. И все это ошетинилось густой крапивой, а в голове Букашки царствовали муравьи.

Рина стояла посреди развалин испуганная и растерянная, как цыпленок, который только что вылупился из яйца и увидел обломки скорлупы, недавно служившие ему домом. Еще минуту назад все

было в порядке. Минуту назад Рина спала в своей кровати на втором ярусе, а потом что-то выдернуло ее сюда — босую, в одних шортах и майке — и она упала, ударившись коленкой о камень. Было так больно, что аж в глазах побелело. Рина обернулась посмотреть, кто это ее толкнул, и увидела мертвую Букашку. Изъеденную солью, покрытую птичьим пометом, паутиной и мхом. Ни дать ни взять картина из кошмаров, но во сне не бывает так больно, даже если стукнешься о бортик кровати. Да и подобное наверняка разбудит: Рина просыпалась и от укуса комара.

— Мама! Па-ап? Альберт!

Тонкий голос полетел вместе с чайками над обрывом. С юга он резко уходил в воду, но назвать его утесом было бы преувеличением. Это был просто высокий берег, откуда открывался живописный вид на деревеньку Рыбоводье под холмом. Сверху видны были все ее бухточки, лодочные сараи и единственная улица, по которой проходил торговый тракт. Выглядел он непривычно пустынно. Дорога из светлых камней лежала среди холмов зигзагами, как не пойманная гимнасткой лента, и ее пыльную белизну не нарушали ни повозки, ни люди, ни козы. И ведь не скажешь, что ранний час. Солнце поднялось над водой уже на две ладони.

В это время селяне обычно везли в город утренний улов. Заставленные ящиками и бочками, тянулись на рынок Эрге скрипучие телеги со смуглыми, просоленными морем рыбаками. Их жены плели на ходу яркие коврики и корзины, а дети, унизанные ожерельями из ракушек на продажу, заливисто хохотали, превращаясь на кочках в живые погремушки. Рина привыкла просыпаться от их смеха, и внезапная тишина ее напугала.

Сама деревня тоже выглядела странно. Дома покосились, а сараи для снастей почернели и наполовину ушли в воду. Лодки замерли у берега, как пустые ореховые скорлупки, и ни одного паруса не было видно на горизонте.

— Э-э-эй! — крикнула Рина, сложив ладони рупором. — Есть там кто-нибудь?!

Стая бакланов вспорхнула с берега, и опять все стихло. Везде царило мертвое безветрие. Ни плеска волн, ни голосов людей, ни шелеста деревьев — полный штиль. Облака и те не двигались в стеклянно-гладком море. Его как гарпуны пронзали птицы, и, если бы не они, Рина подумала бы, что время застыло.

Она вдохнула побольше воздуха, приторно пахнувшего водорослями, йодом и мокрой галькой, и снова крикнула:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1. Безветрие	25
Глава 2. Живые вещи	63
Глава 3. Занавесочные сплетни	89
Глава 4. Картинное общество	125
Глава 5. Сброшенные языки	167
Глава 6. Зал вечного ожидания	191
Глава 7. Безголовые танцы	125
Глава 8. Собиратели тел	245
Глава 9. Кривословные беседы	271
Глава 10. Крышесносный обмен	311
Глава 11. Шутка столетия	345
Эпилог	379